

На правах рукописи

Брыкина Мария Михайловна

**ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
(на материале корпусного исследования
русского языка)**

Специальность 10.02.21 —
Прикладная и математическая лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2009

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель:

член-корр. РАН
доктор филологических наук
профессор
А. Е. Кибрик

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Е. В. Рахилина
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

кандидат филологических наук
П. В. Гращенков
Институт востоковедения РАН

Ведущая организация:

Российский государственный
гуманитарный университет

Защита диссертации состоится «___» _____ 2009 года на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Автореферат разослан «___» _____ 2009 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

Общая характеристика диссертации

Объектом настоящего исследования являются посессивные конструкции русского языка, и, более широко, посессивные связи между двумя именными группами в тексте. Среди посессивных конструкций рассматриваются прежде всего конструкции с внешним посессором, в которых посессивное отношение не кодируется прототипическим средством — генитивной группой. Приведем несколько примеров:

- (1) *Крыло самолета сверкало на солнце.*
- (2) *У самолета сверкало на солнце крыло.*
- (3) *Самолет сверкал на солнце крылом.*
- (4) *Он подошел к самолету, залез на крыло и стал его простукивать.*

В примере (1) посессивное отношение ‘целое — часть целого’ маркируется с помощью родительного падежа зависимого имени — посессора *самолета*, в (2) посессор кодируется предложной группой с предлогом *у* (*у самолета*), а в (3) *самолет* занимает позицию подлежащего, которую в предыдущих случаях занимало обладаемое (*крыло*), в то время как обладаемое оказывается на периферийной синтаксической позиции (*крылом*). В примере же (4) именные группы (ИГ) *самолет* и *крыло* упоминаются в разных предикациях, что не мешает слушающему идентифицировать посессора для ИГ *крыло*, опираясь на контекст. Конструкции типа (1) мы, вслед за А. Е. Кибриком [Кибрик 2000]¹ будем называть конструкциями с внутренним посессором, типа (2) — конструкциями с экстрапозицией посессора, типа (3) — конструкциями с экстрапозицией обладаемого. Вместе две последние группы конструкций образуют конструкции с внешним посессором. Также мы будем считать, что во всех четырех примерах ИГ *самолет* и *крыло* посессивно связаны отношением ‘целое — часть целого’.

Предметом рассмотрения в данной работе будут свойства (синтаксические, семантические, дискурсивные) посессивных конструкций в русском языке, их распределение, а также способы установления посессивных связей в тексте в тех случаях, когда они не маркируются с помощью специальных конструкций.

Актуальность настоящего исследования определяется в первую очередь тем, что посессивность является одной из фундаментальных категорий, в основе которой лежит «когнитивная сопряженность концептов, являющаяся одним из важнейших свойств организации когнитивной структуры» [Кибрик 2008]². Посессивные конструкции (ПК) не раз привлекали внимание исследователей, работающих в самых разных теоретических парадигмах. Внутренний посессор является одним из типов зависимых в именной группе, имеющим разнородную семантику и синтаксис (см., например, [Abney 1987³; Ihsane 2003⁴; Koptjevskaja-Tamm 2001⁵; Гращенков

¹ Кибрик А. Е. 2003. Внешний посессор в русском языке. // Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 307-319.

² Кибрик А. Е. 2008. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры. // *Вопросы языкознания*. №4.

³ Abney, Steven P. 1987. *The English Noun Phrase in its Sentential Aspect*. PhD thesis, MIT.

⁴ Ihsane, Tabea. 2003. A typology of possessive modifiers. // Coene, Martine and Yves D'hulst (eds.) *From NP to DP. Volume 1*. Amsterdam: Benjamins. Pp. 23-42.

2006⁶)). Кроме того, лингвистов давно интересует вопрос о наборе выражаемых ПК значений, которые варьируют от языка к языку, а также о природе посессивности [Seiler 1983⁷; Heine 1997⁸; Rakhilina 2004⁹; Иванов и др. 1989¹⁰]. Конструкции же с внешним посессором имеют двойственную функцию: выражение некоторого значения и кодирование посессивной связи, — и поэтому представляют интерес как для синтаксических, так и для семантических теорий.

Существующие исследования по русскому языку посвящены обычно значению и синтаксису конкретных конструкций [Мельчук, Иорданская 1995¹¹; Рахилина 1982¹²], в редких случаях — сравнительному анализу нескольких конструкций с внешним посессором [Pete 1979¹³, Cienki 1993¹⁴]. Исключение составляют, в частности, работы А. Е. Кибрика, в которых ПК описываются по набору факторов, влияющих как на их грамматичность, так и на их распределение. Настоящая работа является продолжением комплексного изучения множества ПК русского языка на корпусном материале.

Посессивные связи, в свою очередь, представляют интерес для исследования возможных способов заполнения валентностей имени. Помимо вопроса о наличии и составе валентностей у имен различных классов, лингвистов с давнего времени занимает вопрос, каким образом эти валентности могут реализовываться в тексте. Наиболее подробно в этом отношении изучены реляционные имена, в том числе параметрические, и отглагольные имена. Отсутствие у большинства имен обязательных синтаксических валентностей заставляет обращаться как к анализу контекста, так и к экстралингвистическим знаниям и состоянию когнитивной системы слушающего. В данной работе, помимо построения самой общей схемы заполнения валентностей, описывается зависимость набора потенциальных посессоров от синтаксической позиции обладаемого, что, насколько нам известно, ранее не было предметом детального изучения.

Целью работы является описание способов выражения посессивных связей в русском языке, а также построение, на основе этого описания, такой общей схемы

⁵ Koptjevskaja-Tamm M. 2001. Adnominal possession. // M. Haspelmath & E. König (eds.). *Handbook of Language Typology and Language Universals*.

⁶ Гращенко П. В. 2006. *Синтаксис и типология генитивной группы*. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ.

⁷ Seiler, Hansjakob 1983. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Günter Narr Verlag.

⁸ Heine, Bernd. 1997. *Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁹ Rakhilina, Ekaterina. 2004. On Genitive and 'Stability': Evidence from Russian. // Ji-Yung Kim, Yury A Lander, Barbara H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, Mass., USA: GLSA Publications. Pp. 45-58.

¹⁰ Иванов и др. 1989 — Головачева А. В., Иванов Вяч. Вс., Молошная Т. Н., Николаева Т. М., Свешникова Т. Н. *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Москва: Наука.

¹¹ Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. 1995. Glaza Mashy golubye vs. Glaza y Mashy golubye: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts. // И. А. Мельчук. *Русский язык в модели "Смысл <=> текст"*. М.: С. 135-165.

¹² Рахилина, Екатерина. 1982. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный). // *Научно-техническая информация*. Серия 2, №2. С. 24-30.

¹³ Pete, István. 1979. Дательный притяжательный в русском языке и его синонимы. // *Die Welt der Slaven* 24. Pp. 418-429.

¹⁴ Cienki, Alan. 1993. Experiencers, Possessors and Overlap Between Russian Dative and u + Genitive. // *Proceedings of the Nineteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California. Pp. 76-90.

установления посессивных связей слушающим, которая может быть переработана в алгоритмы заполнения валентности на посессора для конкретных классов имен.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- ◆ определить состав и распределение посессивных конструкций (ПК) в русском языке, для чего требуется:
 - построить классификацию ПК;
 - выявить лексико-морфологические способы реализации каждого типа ПК;
 - определить сферу употребления каждого из способов кодирования ПК и рассмотреть семантические, синтаксические и дискурсивные свойства различных посессивных конструкций;
 - определить факторы, определяющие выбор говорящим одной из нескольких возможных конкретных реализаций ПК, в случае, когда для описания одной ситуации возможно более одного типа ПК.
- ◆ построить классификацию посессивных связей на основе способа их выражения в тексте;
- ◆ разработать общую модель установления слушающим посессивных связей в тексте; применить общую модель к конкретному классу имен с учетом их специфики;
- ◆ проанализировать возможность отражения информации о посессивных связях в системах автоматической обработки текстов на естественном языке.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринимается комплексное изучение множества всех способов выражения посессора в тексте на большом корпусном материале.

В ходе работы получены следующие **теоретически значимые результаты**:

- ◆ описано развитие конструкций с экстрапонируемым посессором в направлении «чисто посессивных» употреблений, которые на синтаксическом уровне переходят в класс конструкций с внутренним посессором; выявлено, что иерархия посессивных отношений, которые могут кодироваться подобным образом, соответствует типологической иерархии посессивных отношений;
- ◆ разработана классификация конструкций с экстрапозицией обладаемого, основанная на соотношении семантических ролей посессора и обладаемого;
- ◆ показано, что конструкции с внутренним посессором, для которых кодирование посессивной связи является основной функцией, обладают рядом вторичных семантических и дискурсивных функций.

Практическая значимость данного исследования определяется следующими тремя фактами:

1. Проанализированный фактический материал может быть использован при составлении как учебных пособий по русскому языку для иностранцев, так и учебных курсов по русской и общей семантике и дискурсивному анализу.

2. Составленная модель установления посессивных связей слушающим может послужить основой для описания реализаций валентностей различных классов имен.

3. Построенный алгоритм определения посессора для имен, обозначающих части тела, может быть использован в формализованных описаниях русского языка для

компьютерных систем. Пожалуй, наиболее остро вопрос установления посессора стоит в системах машинного перевода, так как существуют языки (например, английский), в которых:

а) нет конструкций с внешним посессором, однозначно соответствующих русским (*он пожал мне руку* — *he shook my hand*);

б) заполнение посессивной валентности является более обязательным, чем в русском (*я открыл Ø_{внутр. посс.} глаза* — *I opened my eyes*, **I opened Ø_{внутр. посс.} eyes*, **I opened the eyes*).

Методы и материал исследования. Двумя основными методами сбора и анализа материала были работа с корпусами текстов и разработка баз данных по исследуемому явлению.

Прежде всего, использовался корпус посессивных конструкций русского языка, составленный из текстов отечественных авторов 20-го века и размеченный под руководством А. Е. Кибрика¹⁵. На основе этого корпуса была создана база данных. Объем корпуса составляет около 250.000 словоупотреблений и включает в себя немногим менее семи тысяч примеров на употребление ПК.

Основным используемым корпусом текстов был Национальный корпус русского языка¹⁶. Также привлекался материал Уппсальского корпуса русского языка. На материале этих корпусов были созданы три базы данных: по употреблению лексем *рука, глаз, голова, живот*, по употреблению возвратного притяжательного местоимения *свой* и по употреблению предложной группы с предлогом *к* в сочетании с другими лативными актантами. Характеристики этих баз данных представлены в соответствующих разделах диссертации.

Апробация

Основные положения диссертации были представлены и обсуждены в ходе докладов на научной конференции молодых филологов в Тарту (апрель 2003 г.), на Ломоносовских чтениях в МГУ им. М. В. Ломоносова (апрель 2004 г.), на Международных конференциях Диалог («Верхневолжский», июнь 2004 г., совместно с А. Е. Кибриком и А. Н. Хитровым; Звенигород, июнь 2005 г.; «Бекасово», май-июнь 2007 г.), на Четвертой зимней типологической школе (Ереван, сентябрь 2005 г., совместно с А. Н. Судобиной), на Четвертой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2007 г.), а также на 3-й Ежегодной московской студенческой конференции по лингвистике (Москва, апрель 2008 г.).

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, пяти Глав, Заключение, Библиографии и двух Приложений. Во Введении дается общая характеристика работы. **Глава 1** посвящена общетеоретическим проблемам, связанным с посессивностью и способами

¹⁵ Первоначальная разметка корпуса проводилась С. В. Пискуновой, А. Н. Хитровым и автором данной работы. Впоследствии разметка дополнительных параметров и уточнение значений уже существующих осуществлялась А. Е. Кибриком, А. П. Леонтьевым, А. Л. Леонтьевой и автором данной работы.

¹⁶ <http://www.ruscorpora.ru>

ее выражения в языке, а также определению основных понятий исследования. В ней также рассматриваются свойства конструкций с внешним посессором и приводятся факторы, влияющие на их использование. **Глава 2** посвящена конструкциям с экстрапозицией посессора. Анализируется влияние перечисленных в Главе 1 факторов на употребление таких конструкций. Выявляются семантические источники различных способов кодирования посессора, что позволяет интегрировать посессивное значение в сферу значений соответствующих лексико-морфологических средств, использующихся для кодирования посессора. Для некоторых типов конструкций с экстрапозицией посессора выделяются «десемантизированные» употребления, в которых посессор обладает нестандартным синтаксическим поведением. В **Главе 3** рассматриваются конструкции с экстрапозицией обладаемого. Показано, что им благоприятствуют совсем иные значения факторов, чем те, которые характерны для экстрапозиции посессора, что связано с разной природой этих конструкций. Анализ сферы употребления конструкций с экстрапозицией обладаемого позволяет провести границу между различными посессивными отношениями, основанную на их связи с ситуацией. В **Главе 4** обсуждается понятие посессивной связи и рассматриваются способы установления посессивных связей в тексте. На основе анализа нескольких размеченных текстов предлагается модель определения посессивных связей слушающим, а также составляется алгоритм заполнения валентности на посессора для имен, обозначающих части тела. **Глава 5** посвящена вторичным функциям посессивных конструкций, прежде всего конструкций с возвратным посессивным местоимением. Главным образом рассматриваются случаи, когда посессор имени выражен несмотря на то, что его отождествление однозначно предопределяется значением предиката или контекстом. Показано, что такое на первый взгляд «избыточное» маркирование посессора может быть связано либо с поддержанием референциальной связанности дискурса, либо с созданием фокуса внимания на всей группе обладаемого или на одном из ее элементов. В **Приложении 1** обсуждается предложенная А. Н. Барановым методика проверки репрезентативности корпусов, ориентированных на отдельно взятое (грамматическое) явление. Предлагается модифицированная методика, по которой проводится проверка основного корпуса исследования. В **Приложении 2** приводится образец текста с первичной разметкой посессивных связей.

Краткое содержание диссертации

Введение

Во Введении определяется объект настоящего исследования, ставятся цели и задачи, описываются материал и методика, использованные при анализе посессивных конструкций русского языка.

Настоящая работа является частью коллективного проекта по изучению посессивных конструкций в русском языке, возглавляемого А. Е. Кибриком. В рамках данного проекта проводилось комплексное исследование в первую очередь конструкций с внешним посессором. Каждый из факторов, определяющих выбор посессивной конструкции, рассматривался как независимо (см. [Леонтьев 2008]¹⁷), так и в сочетании с другими факторами. В фокусе внимания данной работы находится семантика конкретных конструкций с внешним посессором, способы установления посессора вне собственно посессивных конструкций, а также возможность определения посессора при автоматической обработке языка.

Глава 1. Общетеоретические вопросы и основные понятия исследования

В лингвистических работах существует как минимум два понимания термина «посессивность»: «широкое» и «узкое». Одни лингвисты сводят значение этой категории к значениям обладания, владения («узкое» понимание посессивности), другие склоняются к расширенному пониманию этой категории как связующего значения, реализующегося в сочетаниях самой различной семантики. В данной работе принимается широкая трактовка посессивности. Вслед за А. Е. Кибриком, мы будем считать, что в основе посессивности лежит когнитивная сопряженность концептов, являющаяся одним из важнейших свойств организации когнитивной структуры.

Некоторые концепты, реализующиеся в языке как лексемы, сопряжены онтологически (*дом и крыша*), другие связывает между собой ситуация (*я ударил **молотком** по столу*) или некоторое отношение (*девочка с косичками*). Обычно в языках есть непосредственные морфосинтаксические средства для маркирования когнитивной сопряженности между концептами. В русском языке такими средствами являются следующие конструкции:

1. ИГ + ИГ_{Род} (*шкура медведя, сын Маши*);
2. притяжательное местоимение + ИГ (*его шкура*);
3. притяжательное прилагательное + ИГ (*Машин сын*);
4. ИГ + ПГ (*девочка с косичками, книга на полке, поезд в Москву, домик в деревне*);
5. ИГ + ИГ_{Дат} (*подарок бабушке*);
6. ИГ + ИГ_{Твор} (*размахивание руками*);
7. ИГ-ИГ (*плащ-палатка, город Москва*).

Мы будем называть именную группу, включающую зависимое в генитиве, притяжательное местоимение или прилагательное базовой посессивной конст-

¹⁷ Леонтьев А. П. 2008. *Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.

рукцией (БПК). Неформально БПК будет называться также генитивной группой.

Как показано в работе [Гращенков 2006]¹⁸, в русском языке выделяется несколько типов генитивных зависимых, которые демонстрируют различное синтаксическое поведение. Внешний аргумент при артефактных именах (*Васин портрет*) и генитивный участник имени действия (*Васин приезд*) имеют подлежащую природу. Партитивные ИГ (*литр вина*) образуются как комплемент вершинного имени, а качественный генитив (*человек высокого роста*) сближается по своей природе с прилагательным и является скорее адьюнктом. К перечню типов, выделенных П. В. Гращенковым, следует добавить генитив сравнения, который не участвует ни в одном из тестовых синтаксических процессов (*она внимательно посмотрела на него своими большими глазами птицы феникс*) и оказывается близок качественному генитиву.

Посессивным отношением между двумя ИГ мы будем называть отношение, которое возникает в БПК между означаемыми входящих в нее элементов: обладаемым (главным синтаксическим членом БПК) и посессором (зависимым в БПК). В лингвистической литературе существует великое множество классификаций посессивных отношений, которые могут насчитывать от трех до тридцати и более элементов. По существу, каждая классификация оказывается нацеленной на объяснение конкретного явления, и единой иерархии посессивных отношений, которая была бы аналогична синтаксической иерархии Кинэна-Комри, не существует.

Русский язык чрезвычайно богат набором отношений, которые могут выражаться генитивной группой. Встает вопрос: есть ли у генитива некоторый инвариант? Что общего у всего того разнообразия отношений, который он может кодировать? Общепризнанного ответа на этот вопрос не существует. Б. Парти и В. Борщев¹⁹ развивают в своих работах теорию сортов, О. Н. Селиверстова²⁰ считает, что основу посессивности составляет единый семантический примитив. Е. В. Рахилина²¹ предлагает считать главным принципом организации генитивной группы «стабильность» отношения.

В зависимости от того, кодируются ли посессивные отношения синтаксически, выделяются конструкции с локальным и с дистантным посессором. Конструкции с локальным посессором — это синтаксические конструкции, в которых две ИГ подчинены одна другой в пределах одной предикации и связаны между собой посессивным отношением. Иными словами, это атрибутивные синтагмы, в которых между референтами ИГ присутствует посессивное отношение. Реализации БПК являются конструкциями с локальным посессором по определению. Атрибутивная синтагма *девочка с толстыми косичками* будет являться конструкцией с локальным посессором (потому что можно сказать *толстые косички девочки*), а атрибу-

¹⁸ Гращенков П. В. 2006. *Синтаксис и типология генитивной группы*. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ.

¹⁹ Borschev, Vladimir B. and Partee, Barbara H. 2004. Genitives, Types and Sorts: The Russian Genitive of Measure. // Ji-Yung Kim, Yury A Lander, Barbara H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, Mass., USA: GLSA Publications. Pp. 29-43.

²⁰ Селиверстова О. Н. 2004. *Труды по семантике*. М., Языки Славянской Культуры.

²¹ Rakhilina, Ekaterina. 2004. On Genitive and 'Stability': Evidence from Russian. // Ji-Yung Kim, Yury A Lander, Barbara H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, Mass., USA: GLSA Publications. Pp. 45-58.

тивные синтагмы *книга на полке, домик в деревне* — нет (потому что в русском языке соответствующие отношения не могут кодироваться в БПК: **полка книги, *домик деревни; *книга полки, *деревня домика*).

Конструкции с дистантным посессором — это минимальный неразрывный контекст в пределах предикации, в котором между двумя ИГ, не подчиненными одна другой, существует посессивное отношение. В рамках конструкций с дистантным посессором выделяются конструкции с внешним посессором, которые имеют два подтипа. В конструкциях с экстрапозицией посессора (ЭП) посессор является экстратематическим аргументом (не имеющим семантической роли в ситуации либо или имеющим ту же роль, что и обладаемое) и обязательно связывает обладаемое посессивным отношением. Рассмотрим следующие примеры:

(5) *Петя пошёл в кино с братом.*

(6) *Петя заметил у брата волнение.*

В (5) *Петя* имеет семантическую роль Агенса и не обязательно посессивно связывает *брата* (*Петя пошел в кино с моим братом*). А в (6) *брат* непосредственно не участвует в ситуации ‘заметить’ (или, в зависимости от нашей интерпретации, имеет ту же роль Стимула, что и обладаемое *волнение*), но обязательно связывает прямое дополнение *волнение*.

В конструкциях с экстрапозицией обладаемого (ЭО) посессор является одним из актантов предиката, а обладаемое занимает периферийную синтаксическую позицию и не имеет своей семантической роли (или имеет ту же роль, что и посессор). Рассмотрим следующие примеры:

(7) *Петя дотронулся до жучка рукой.*

(8) *Самолет сверкал на солнце крылом.*

В (7) (хотя в некотором контексте можно сказать *Рука Пети дотронулась до жучка*) *рука* участвует в ситуации ‘дотронуться’ как Инструмент (ср. *Петя дотронулся до жучка палкой*). А в (8) *крыло*, в зависимости от нашей интерпретации, либо не участвует в ситуации ‘самолет сверкал’, либо участвует в ней с той же семантической ролью, что и *самолет*.

В большинстве случаев, хотя и не всегда, грамматичным является синонимичный перифраз конструкций с внешним посессором с использованием конструкции с внутренним посессором (ср. примеры (1)-(3)).

Конструкции с внешним посессором сочетают в себе свойства как предикативной, так и атрибутивной посессивности. От предикативного обладания они наследуют то, что связь между посессором и обладаемым на синтаксическом уровне устанавливается опосредованно, через предикат. С другой стороны, само посессивное отношение не задается, как и в случае атрибутивного обладания, глаголом, а имеет пресуппозитивный статус [Baron & Herslund 2001]²². Так, в предложениях *У меня собака заболела / Моя собака заболела* информация о наличии у говорящего собаки

²² Baron I., and Herslund M. 2001. Dimensions of possession. // Baron I., Herslund M., and Sørensen F. (eds.) *Dimensions of Possession*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2001. Pp. 1-27.

входит в пресуппозицию, в отличие от предложений, выражающих предикативное обладание (*У меня есть собака*), где эта информация входит в ассерцию.

Подробный обзор литературы, посвященной конструкциям с внешним посессором, содержится в статье [Payne, Barshi 1999]²³. Центральными вопросами, рассматриваемыми при описании этих конструкций, являются следующие:

✓ Сфера использования термина «внешний посессор». В связи с тем, что не существует общепринятого определения внешнего посессора, в разных работах по-разному определяется круг конструкций, относящихся к этому явлению. В [Payne, Barshi 1999] конструкциями с внешним посессором считаются такие, в которых семантическое отношение обладатель – обладаемое выражается кодированием посессора как одной из синтаксических валентностей глагола в составляющей, отличной от той, которая содержит обладателя. В [Blake 1984: 438]²⁴ выделяются два типа конструкций. 1-й случай (экстрапозиция обладаемого): поднимаемый посессор занимает позицию и перенимает семантическую роль обладаемого, которое при этом становится шомёром. 2-й случай (экстрапозиция посессора): посессор передвигается в позицию непрямого дополнения или сирконстанта, а обладаемое остается на своей исходной позиции.

✓ Наличие трансформации, которая связывает между собой конструкции с внешним и внутренним посессором. В [Baker 1988]²⁵ эта трансформация описывается с позиций реляционной грамматики. В [Мельчук, Иорданская 1995]²⁶ дается краткий обзор трансформаций, постулировавшихся в свое время в генеративной теории. В русской традиции трансформационный подход восходит к Ю. Д. Апресяну [Апресян 1974/1995]²⁷. Согласно этому подходу, конструкции с внешним посессором представляют собой результат расщепления валентностей. В то же время в некоторых работах (напр., [Shibatani 1994]²⁸) отрицается осмысленность трансформационного подхода для описания конструкций с внешним посессором. В [Mithun 2001: 287]²⁹ этот подход считается не обладающим достаточной объяснительной силой на основании того, что конструкции с внешним посессором отличаются по значению от своих предполагаемых источников. То есть конструкции с внешним и с внутренним посессором имеют разную семантику, и поэтому они одинаково базисны.

✓ Синтаксический статус (актант или сирконстант) экстрапонированных посессора и обладаемого.

²³ Payne D. L., Barshi I. 1999. External Possessor. What, Where, How, and Why. // Payne D. L., Barshi I. (eds.) *External Possessor*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. Pp. 3-29.

²⁴ Blake, Barry J. 1984. Problems of possessor ascension: some Australian examples. // *Linguistics*, 22. Pp. 437-453.

²⁵ Baker M. 1988. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: Chicago University Press.

²⁶ Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. 1995. Glaza Mashy golubye vs. Glaza y Mashy golubye: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts. // И. А. Мельчук. *Русский язык в модели "Смысл <=> текст"*. М.: С. 135-165.

²⁷ Апресян Ю. Д. 1974/1995. *Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп.* М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

²⁸ Shibatani M. 1994. An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives. // *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California. Pp. 461-487.

²⁹ Mithun, Marianne. 2001. The difference a category makes in the expression of possession and inalienability. // Baron I., Herslund M., and Sørensen F. (eds.) *Dimensions of Possession*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 285-310.

✓ Типология, ареальное и генетическое распространение конструкций с внешним посессором.

✓ Связь конструкций с внешним посессором с залогами преобразованиями и структурой события.

✓ Различия (семантические, синтаксические, дискурсивные) между конструкциями с внутренним и внешним посессором. В работе [Lander 2004]³⁰ они описываются по пяти параметрам:

- формальные свойства;
- референциальный статус обладаемого;
- топиальность посессора;
- возможные посессивные отношения;
- релевантность посессора.

Соответственно этим параметрам в прототипических конструкциях с внутренним посессором обладаемое и посессор выражены в одной составляющей; обладаемое будет скорее определенным; посессор имеет высокий топиальный статус; типы посессивных отношений между посессором и обладаемым никак не ограничены; посессор не маркирован с точки зрения его релевантности в дискурсе. В прототипических же конструкциях с внешним посессором обладаемое и посессор выражены в разных составляющих; обладаемое может иметь любой референциальный статус; посессор имеет высокий топиальный статус; типы посессивных отношений между посессором и обладаемым ограничены; посессор важен для текущего дискурса.

Для изучения конструкций с внешним посессором в русском языке рабочей группой под руководством А. Е. Кибрика, в которую входил и автор настоящего диссертационного исследования, был составлен корпус посессивных конструкций (ПК). В корпусе зафиксировано следующее распределение ПК:

Конструкции с внутренним посессором	85,3%
Конструкции с внешним посессором	14,7%
в том числе: Конструкции с экстрапозицией посессора	9,5%
Конструкции с экстрапозицией обладаемого	5,2%

Конструкции с внешним посессором составляют, как видно, относительно небольшой процент от общего числа размеченных в корпусе ПК, при этом конструкции с экстрапозицией посессора почти в два раза частотнее конструкций с экстрапозицией обладаемого.

В корпусе были размечены следующие факторы, определяющие выбор ПК: синтаксическая позиция основного элемента ПК; семантическая роль основного элемента ПК; семантика посессивного отношения между обладаемым и посессором; тематический класс вершинного предиката; одушевленность посессора; класс обладаемого. По этим факторам проводился анализ распределения ПК, представленный в Главах 2 и 3 настоящей работы.

³⁰ Lander Yury A. 2004. Dealing with Relevant Possessors. // Ji-Yung Kim, Yury A Lander, Barbara H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, Mass., USA: GLSA Publications. Pp. 309-336.

Глава 2. Конструкции с экстрапозицией посессора

Прототипические конструкции с экстрапозицией посессора (ЭП) в русском языке можно проиллюстрировать следующими примерами:

(9) У меня сын болеет. vs. Мой сын болеет. у + ИГ_{Род}

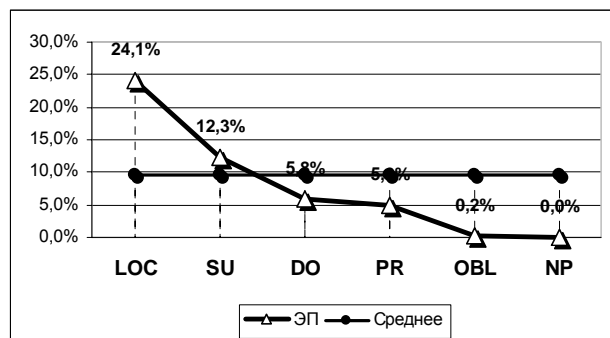
(10) Петя сломал Васе компьютер. vs. Петя сломал Васин компьютер. ИГ_{Дат}

(11) По дороге Петя зашел в мастерскую к Орлову. vs. По дороге Петя зашел в мастерскую Орлова. к + ИГ_{Дат}

В первом разделе Главы 2 приводится статистический анализ влияния отдельных факторов на использование конструкций с ЭП по статье [Кибрик и др. 2006]³¹, в которой основная идея метода статистической оценки формулируется следующим образом: «Если выбор конструкции нечувствителен к значениям параметра, частотное распределение типов конструкций для событий с заданными значениями параметра должно быть близким к среднестатистическому распределению этих конструкций для всей совокупности событий в корпусе. Если для данного типа конструкции наблюдается существенное отклонение от средней частоты, то положительное отклонение свидетельствует, что данное значение параметра благоприятствует данной конструкции, а отрицательное отклонение, наоборот, свидетельствует, что данное значение параметра препятствует использованию данной конструкции».

В качестве иллюстрации принципа статистического анализа факторов приведем пример графика, на котором показаны процентные значения количества конструкций с ЭП при данном синтаксическом отношении по сравнению со средней частотой этих конструкций в корпусе:

График 1. Процентные значения количества конструкций с ЭП при данном синтаксическом отношении по сравнению со средней частотой этих конструкций в корпусе³².

Как видно из этого графика, наиболее благоприятствует конструкциям с ЭП синтаксическая позиция обстоятельства места. В первую очередь это обусловлено тем, что только в этой позиции возможны все три основных морфосинтаксических типа ЭП, то есть для нее в русском языке имеется наиболее широкий спектр возможностей. При подлежащем возможен только один тип внешнего посессора — предложная группа с предлогом у, чем и объясняется его второе место. Для периферийных синтаксических позиций нехарактерно внешнее маркирование посессора.

³¹ Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. 2006. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования. // *Вопросы языкознания*. М. №1. С. 16-45.

³² SU: подлежащее; DO: прямое дополнение; PR: предикативная позиция; LOC: обстоятельство места; OBL: прочие обстоятельства и косвенное дополнение; NP: позиция внутри именной группы.

Из семантических ролей наиболее благоприятной для ЭП оказывается роль Места, что объясняется тем, что она в очень значительной степени коррелирует с синтаксической позицией обстоятельства места. Также благоприятствует ЭП группа «пассивных» семантических ролей — Пациенс, Тема и Цель.

Экстрапозиция посессора возможна при самых различных предикатах, при этом достаточно большое количество классов благоприятствуют конструкции. На вершине статистической иерархии располагается группа «характеризующих» глаголов количества, качества, бытия / нахождения и результирующего качества / свойства. Это хорошо согласуется как с полученными результатами по семантическим ролям, где наиболее благоприятствующими ЭП были как раз «пассивные» роли, так и с типологическим наблюдением, что внешний посессор крайне редко бывает при сильноагентивных предикатах (в позиции, соответствующей роли Агенса).

Конструкции с ЭП характеризуются наличием в предложении участника со значением, которое предопределяет его когнитивную связанность с другими участниками ситуации, что имплицитно подразумевает возможность существования между ними посессивной связи. В разделе 2.2. рассматривается предложная группа $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}[\text{+од.}]}$. В прототипическом случае эта предложная группа при глаголах передвижения обозначает ОБЪЕКТ-ЦЕЛЬ перемещения:

(12) *Петя зашел **к маме** в комнату.*

Однако в следующем примере:

(13) *Пока его не было, в квартиру **к нему**, видимо, заходили уголовники — и вынесли шкаф.* (Юрий Мамлеев. Конец света/Черное зеркало (1975–1999))

- у глагола ЕСТЬ независимая синтаксическая валентность с предлогом κ на одушевленную цель перемещения (^{OK} κ *нему заходили уголовники*);
- но $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$ НЕ ИМЕЕТ семантической роли ОБЪЕКТА-ЦЕЛИ перемещения (более того, эта предложная группа не имеет никакой семантической роли). Уголовники (субъект передвижения), наоборот, знают, что хозяина (референта $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$) не будет в том месте, куда они направляются.
- $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$ является ПОСЕССОРОМ другого лативного актанта.

По всей видимости, в подобных примерах предложная группа $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$ синтаксически зависит уже не от глагола, а от другой лативной предложной группы, что подтверждается тестом на релятивизацию. В работе показано, что такая синтаксическая грамматикализация $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$ происходит за счет расширения сферы употребления этой ПГ для обозначения места по одушевленному хозяину. Этот процесс охватывает следующие посессивные отношения: часть тела > обладание (>> место), что соответствует типологической иерархии посессивных отношений за исключением предсказуемого отсутствия в ней отношения ‘часть-целое’. При этом такие «десемантизированные» предложные группы попадают в немногочисленный класс зависимых в русском языке, которые возможны лишь для определенной синтаксической позиции главного члена синтагмы.

В разделе 2.3. рассматривается предложная группа $у + \text{ИГ}_{\text{Род}}$. Предпосылкой для возможности $у + \text{ИГ}_{\text{Род}}$ быть когнитивно сопряженной с различными участниками ситуации является сочетание у этой ПГ топикального значения и значения введения жизненной сферы участника. Особый вопрос при этом составляет сфера действия

ПГ с предлогом *у*, которая во многом определяется линейной позицией самой предложной группы. Когда '*у + ИГ_{Род}*' находится в начале предложения, участник, обозначаемый именной группой, является одновременно и топиком, и темой предложений, а вся остальная часть высказывания попадет в рему (14а), '*у + ИГ_{Род}*' относится ко всему предложению и мишенью для нее может служить любая именная группа (см. пример (19)). В случае же, когда темой является подлежащее, '*у + ИГ_{Род}*', обозначающая топик и одновременно посессора, ставится после субъекта (14б):

(14) а. *У тебя отец в армии?* (Гайдар А.П. Тимур и его команда)

б. *Мать у меня в горах, в тайге...* (Гайдар А.П. Тимур и его команда).

Конструкции с внешним посессором для данной ПГ – это конструкции, в которых сфера ее действия обязательно затрагивает одного из участников. Для *у + ИГ_{Род}*, так же, как и для *к + ИГ_{Дат}*, можно зафиксировать употребления, в которых она теряет свое значение и вводится в предложение только для обозначения посессора. В следующем примере:

(15) *Пока меня не было, на работе у меня все перессорились.*

ПГ *у + ИГ_{Род}* не имеет семантической роли места, так как я отсутствую на работе. Зато она обозначает посессора и, по крайней мере по результатам теста на релятивизацию, синтаксически зависит от ПГ *на работе*.

«Десемантизированные» употребления *у + ИГ_{Род}* (в которых эта ПГ стоит обычно после обладаемого) распространяются не только на мишень–локатив, но и на мишень–аблатив. Но, как и в случае с предложной группой *к + ИГ_{Дат}*, такое расширение чисто посессивного употребления происходит в первую очередь при отношениях части тела и предмета обладания:

(16) *Кот прыгнул у меня с плеча.*

(17) *Кот вылез у меня из рюкзака.*

(18) [?] *Лошадь вышла у нас из сарая.*

В случае же, когда *у + ИГ_{Род}* имеет топикальное значение и значение жизненной сферы, аблативная ПГ вполне может являться для нее мишенью:

(19) *У меня вчера после сильной грозы с крыши слетела антенна.*

В разделе 2.4. рассматривается внешний посессор, оформленный дательным падежом. Одной из возможных функций датива является введение референта, не являющегося участником ситуации, но затронутого этой ситуацией (см. пример 10). Именно компонент затронутости имплицитно его когнитивную сопряженность с другими участниками ситуации, а следовательно, и возможность выступать в роли посессора. Введенный участник имеет статус экстратематического аргумента, который не имеет специфической семантической роли. Значение именной группы в дательном падеже в конструкциях с внешним посессором не имеет общепринятого названия, хотя ее значение описывается разными исследователями примерно одинаково. Основной предпосылкой к использованию конструкции с дативом, а не с внутренним посессором, является повышение коммуникативного статуса посессора, которое становится необходимым потому, что посессор оказывается, часто (но не всегда) помимо своей воли, затронут ситуацией, организатором которой в боль-

шинстве случаев не является. При этом важна намеренность субъекта ситуации затронуть своими действиями посессора.

Далее в Главе 2 описывается дистрибуция рассмотренных конструкций в ситуациях, когда возможно употребление более одной конструкции, и обсуждаются некоторые периферийные конструкции, которые могли бы претендовать на статус конструкций с внешним посессором.

Глава 3. Конструкции с экстрапозицией обладаемого

В первом разделе Главы 3 проводится статистический анализ влияния отдельных факторов на использование конструкции с экстрапозицией обладаемого (ЭО). Положения подлежащего и прямого дополнения, и только они, примерно в равной степени благоприятствуют конструкциям с ЭО. В отличие от ЭП, которая связана скорее с пассивными семантическими ролями, для ЭО значения выше ожидаемых наблюдаются и в случае, когда посессор имеет «активную» семантическую роль — Эффектор или Непереходный Агенс. Однако роль Переходного Агенса все же нехарактерна и для ЭО.

Наиболее благоприятными для конструкции с ЭО являются отношения формы и группы. Это похожие отношения, обозначающие способ существования объекта в пространстве, только для второго из них посессор обязательно является одушевленным. Благоприятной для ЭО, как и для ЭП, является группа отношений ‘часть тела’, ‘предмет одежды’ и ‘параметр объекта’, то есть такие отношения, обладаемые которых задают неотъемлемые свойства посессора. ЭО не была зафиксирована при посессивных отношениях, обладаемое в которых — одушевленное.

Как и в случае с ЭП, ЭО возможна при самых различных предикатах. Достаточно большое количество классов предикатов благоприятствуют конструкции, но лишь для двух из них — для глаголов контакта и нанесения вреда — конструкцию с ЭО можно считать основной.

Во втором разделе Главы 3 приводится классификация типов конструкций с ЭО, основанная на материале корпуса. Базой для классификации служит лексикоморфологический способ оформления обладаемого; типы конструкций с одинаково выраженным обладаемым классифицируются по тому, с каким из актантов вершинного предиката устанавливается посессивная связь. Основными конструкциями с ЭО являются следующие:

- ✓ ИГ_{Твор}: *они таскали **картошку** мешками; она досаждала мне расспросами.*
- ✓ ПГ с предлогом *в* и ИГ_{Предл}: *он был широк в плечах.*
- ✓ ПГ с предлогом *в* и ИГ_{Вин}: *он толкнул **меня** пальцем в бок; все знали **его** в лицо.*
- ✓ ПГ с предлогом *по* и ИГ_{Вин}: *кимоно обнажало по локоть **ее** прелестные руки.*
- ✓ ПГ с предлогом *по* и ИГ_{Дат}: *его узнавали по походке.*
- ✓ ПГ с предлогом *за* и ИГ_{Вин}: *он поднял **чемодан** за ручку.*
- ✓ ПГ с предлогом *под* и ИГ_{Вин}: *Сашка двинул **брата** под ребро.*
- ✓ ПГ с предлогом *на* и ИГ_{Предл}: *волосы пожелтели на концах.*
- ✓ ПГ с предлогом *на* и ИГ_{Вин}: *они испытывали **машину** на прочность.*
- ✓ ПГ с предлогом *с* и ИГ_{Род}: *он обтрусил **кашу** ложкой с краев.*

В третьем разделе на основе значения, выражаемого обладаемым, выделяются три макрокласса конструкций с ЭО. Первый макрокласс составляют контексты, в которых часть посессора оказывается в некотором отношении затронута ситуацией, обозначаемой предикатом. Часть посессора может обозначать:

- ♦ ориентир для передвижения (*он повернул ее лицом к небу*);
- ♦ место — предел для действия (*кимоно обнажало по локоть ее прелестные руки*);
- ♦ место, где происходит контакт, имплицитруемый семантикой предиката (*он толкнул ее в бок*);
- ♦ место, где происходит действие или к которому относится состояние (*бумага обгорела с краев*).

Второй макрокласс составляют контексты, где некоторый параметр одного из главных актантов предиката, связанный с ним отношением параметра, продукта или субъектным отношением, является важным для осуществления ситуации, обозначаемой предикатом. В этот класс входят следующие ситуации:

- ♦ параметр, значение которого предсказывается (*замок этот был полнуда весом*);
- ♦ параметр сравнения (*собака похожа на хозяина характером*);
- ♦ параметр — стимул для восприятия (*он узнал ее по походке*);
- ♦ параметр — физический источник действия или состояния (*он всем своим видом показывал, что...*).

Третий макрокласс составляют контексты, в которых обладаемое и посессор связаны отношением формы или количества (*бригады или строем; люди таскали картошку мешками*). Этот класс имеет существенное отличие от предыдущих двух. Если в случае частей и параметров эти объекты существуют независимо от ситуации, в которой они проявляются, то форма или количество существования объекта определяются ситуацией.

В четвертом разделе Главы 3 конструкции с ЭО анализируются с точки зрения соотношения семантических ролей посессора и обладаемого. В работе Леманна [Lehmann 2006]³³ вводятся три уровня описания ситуаций и их участников: когнитивно-референциальный, типологический и собственно языковой. На когнитивно-референциальном уровне участник ситуации может иметь несколько ролей (например, роль Агенса и Посессора по отношению к другому участнику). Язык не может кодировать одновременно все роли участника и вынужден выбирать одну из них (типологический уровень). Конкретный способ кодирования выбранной семантической роли определяется уже на собственно-языковом уровне.

Рассмотренные конструкции с ЭО позволяют предположить, что существуют ситуации, когда несколько участников имеют одновременно одну и ту же роль (такая ситуация Леманном не рассматривается). С одной стороны, среди конструкций с ЭО существуют такие, в которых обладаемое имеет свою собственную роль, например, роль Места: *он ударил ее по лицу*. Но это не полноценная роль Места, где

³³ Lehmann, Christian 2006. Participant roles, thematic roles and syntactic relations. // Tsunoda, Tasaku & Kageyama, Taro (eds.) *Voice and Grammatical Relations: In Honor of Masayoshi Shibatani*. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins (Typological Studies in Language, 65), Pp. 153-174.

имеет место вся ситуация (ср. *Он все время бьет Петю в классе*), а Место Посессора, к которому непосредственно относится действие С другой стороны, имеются ситуации, когда на первый взгляд посессор и обладаемое имеют одну и ту же роль, например, роль Стимула: *город поразил нас своей красотой*. Но в конечном итоге наличие ситуаций «совместного использования» двумя участниками одной семантической роли определяется дробностью того состава семантических ролей, которые исследователь готов постулировать для русского языка (выбором теоретической парадигмы). Автора же данной работы эти конструкции интересуют прежде всего с позиции анализа, и в диссертации представлены некоторые предложения о распределении информации между словарем и грамматикой, которые бы позволили наиболее эффективно распознавать такие конструкции при автоматической обработке русского языка. Например, для глаголов типа *ударить* информацию о посессивной связи участников ситуации представляется удобным прописывать в словаре, а для третьего макрокласа случаев, описанного выше, необходимо, чтобы в словаре была разметка соответствующих лексем (обозначающих количество и форму), которая помогла бы при синтаксическом анализе предложения извлечь информацию о наличии посессивной связи между соответствующим обстоятельством и актантом предиката.

Глава 4. Посессивные связи

В первом разделе Главы 4 определяется понятие посессивной связи и строится классификация посессивных связей.

Две ИГ связаны в тексте посессивным отношением R, если во вводимой высказыванием модели мира между обозначаемыми ими концептами существует (= активируется соответствующим высказыванием) отношение R.

На основе анализа четырех размеченных текстов были выделены следующие типы посессивных связей:

1. Локальные посессивные связи (= конструкции с локальным посессором): задаются синтаксически.
2. Специализированные посессивные связи (= конструкции с экстрапозицией посессора, см. выше).
3. Предикатные посессивные связи. Такие связи устанавливаются между актантом предиката и другим актантом или сирконстантом, то есть между двумя ИГ в составе одной клаузы. Они могут предопределяться предикатом (*у меня есть машина; моя машина*), семантикой / синтаксисом сирконстанта (*Даже со стороны было видно, что он весь дрожит от напряжения*) или же их сочетанием (*Он был неумолим в силу своей жестокости; Но именно в силу его жестокости все предпочитают откупаться*)³⁴.
4. Онтологические посессивные связи.
Знания о различных объектах действительности не исчерпываются собственно лингвистическим значением той или иной лексемы, а предполагают также так

³⁴ В сирконстантах типа *от X-а*, обозначающих причину действия, X всегда относится к субъекту предиката, а в сирконстантах типа *в силу X-а* X, являющийся реляционным именем, может иметь собственного посессора-субъекта.

называемую экстралингвистическую информацию. В когнитивной системе человека данные о различных фрагментах действительности хранятся не независимо друг друга, а представляют собой организованную систему. Одним из удобных способов представления информации, связанной с объектом (или некоторым другим фрагментом опыта), является онтология. Онтологические связи между объектами оказываются значимыми для установления посессивных связей. Например, благодаря тому, что мы знаем, что у корабля должен быть капитан, в контексте описания некоторой ситуации, происходящей на корабле, не обязательно эксплицитно выражать посессора для слова *капитан*:

(20) *Корабль тонул. Капитан покинул его последним.*

5. Дискурсивные посессивные связи.

В работах, посвященных референции в дискурсе, основным когнитивным феноменом, ответственным за референциальный выбор, считается активация референта. В работе [Кибрик А. А. 2003: 50-62]³⁵ отмечается, что активация референта в каждый момент времени предопределяется факторами, связанными как с предшествующим дискурсом (расстояние до антецедента, семантико-синтаксический статус антецедента, границы эпизодов), так и с ингерентными свойствами референта (одушевленность, центральность для данного дискурса). Понятие активации референта оказывается важным и для объяснения многих случаев установления посессивных связей. Рассмотрим следующий пример:

(21) *Я_i хотел скорее бежать на берег, найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам_j на пароход приходит черный человек_k (тамошние люди_l все черные), и все товарищи_{POSS:i, ?j, *k, *l} обступили его, толпятся, смеются, шумят.* (Житков Б. С. Мангуста)

Посессором для слова *товарищи* является автор рассказа (говорящий), центральный участник, имеющий высокий уровень активации. Слушающий однозначно устанавливает эту посессивную связь, хотя в ближайшем контексте есть еще три участника, которые могли бы претендовать на роль посессора.

6. Логические посессивные связи.

Некоторая часть таких логических посессивных связей определяется свойствами посессивных отношений. В следующем примере:

(22) *У меня было две собаки: одна собака была черной, другая — рыжей.*

тот факт, что я являюсь обладателем рыжей и черной собаки, следует из следующего тривиального логического свойства посессивного отношения POSS: если между субъектом X и множеством объектов A существует отношение POSS, то оно существует и между X-ом и каждым представителем множества A. В работе рассматриваются следующие логические свойства посессивных отношений:

- ✓ Интерпретация множественного обладаемого при единственном посессоре (*собаки Пети* → *собака Пети*). Для любых отношений верно, что если посессивное отношение существует между одним посессором и множеством

³⁵ Кибрик А. А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Диссертация в виде научного доклада ... доктора филол. наук. М.

обладаемых, то оно существует и между этим посессором и каждым элементом множества обладаемых.

- ✓ Интерпретация множественного посессора при единственном обладаемом (*строй бригад* *→ *строй бригады*).
- ✓ Интерпретация сочиненных посессоров и обладаемых: групповое и пересекающееся. Большинство посессивных отношений допускают пересекающееся сочинение как обладаемых (*мой [друг и коллега] Иван Петров...*), так и посессоров (*отец [спортсменки и просто красивой девушки]*). Однако для обратного параметрического отношения (= качественного генитива) пересекающееся сочинение как обладаемых, так и посессоров, невозможно.
- ✓ Интерпретация конструкций с множественными посессорами и обладаемыми.

Во втором разделе Главы 4 посессивные конструкции рассматриваются с позиции анализа. Как и где в тексте слушающий находит посессора или актант имени, имеющего соответствующую валентность? Можно ли хотя бы отчасти формализовать эту процедуру?

В качестве основного объекта исследования были взяты имена, обозначающие части тела. После анализа корпуса данных, в котором для каждого вхождения части тела обозначался ее посессор, были сделаны следующие выводы:

- ✓ Конструкции с локальным посессором возможны при любых синтаксических позициях потенциального обладаемого.
- ✓ Набор потенциальных посессоров для имени зависит от синтаксической позиции обладаемого.
- ✓ В некоторых синтаксических позициях (например, предложная группа в составе копредиката) посессор для имени, обозначающего часть тела, может быть установлен по синтаксическим правилам.
- ✓ Если посессор не маркируется специально (локальный и экстрапонируемый посессор), то он обычно имеет более высокий синтаксический статус, чем потенциальное обладаемое.
- ✓ Если посессор не маркируется специально, то наиболее приоритетным потенциальным посессором является субъект предикации. Действительно, если семантика конструкции не задает ограничений на направление посессивной связи, то посессором должен быть участник:
 - а) обладающий соответствующим статусу посессора характеристикам (для имен, обозначающих часть тела, такой характеристикой является одушевленность),
 - б) имеющий высокий уровень активации.

Таким участником часто бывает подлежащее — наиболее типичная позиция для субъекта предиката.

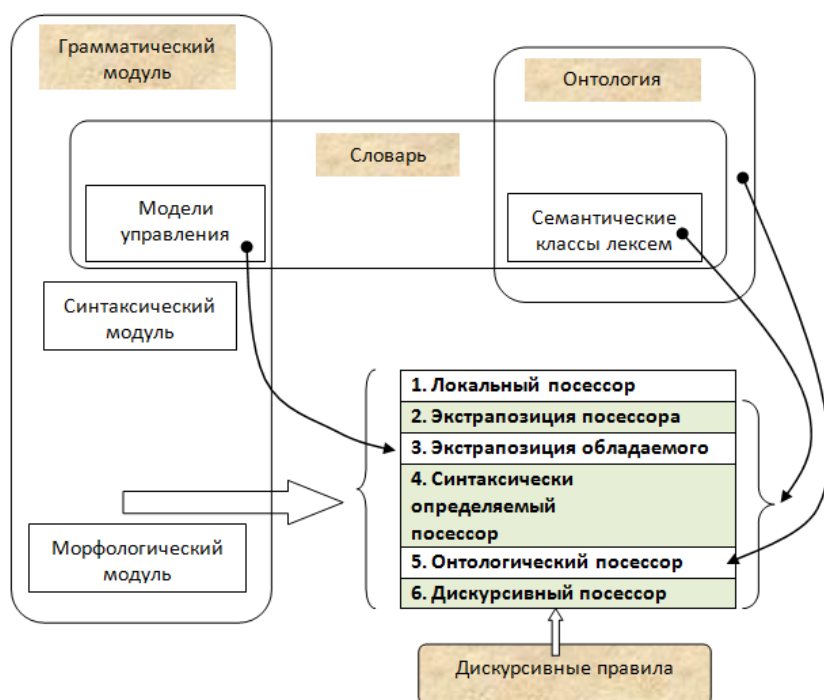
Несмотря на разнообразие возможных направлений посессивных связей, представляется возможным составить общую иерархию потенциальных посессоров (некоторые из которых могут быть нерелевантны для определенных контекстов, что, однако, не нарушает общую стратегию «поиска» посессора). В качестве посессора из множества референтов контекста, обладающих ингерентными характеристиками

предполагаемого посессора, выбирается тот, который в данной иерархии располагается выше:

- ◆ Локальный посессор;
- ◆ Актант предиката, если предикат накладывает ограничения на посессивные связи между своими актантами или если сирконстант связан с одним из актантов предиката;
- ◆ Экстрапонируемый посессор;
- ◆ Онтологический посессор;
- ◆ Логически вычисляемый посессор;
- ◆ Участник ситуации, удовлетворяющий характеристикам потенциального посессора и имеющий высокий уровень активации. Часто таким участником оказывается субъект предиката.

Что касается возможности автоматизировать процесс выбора посессора (см. рис. 1), то в общем случае правильный выбор посессора невозможен без учета как дискурсивных факторов, так и системы знаний об устройстве мира.

Рис. 1. Схема установления посессора.

В первую очередь необходимо иметь разметку лексем по семантическим классам, ведь для каждого класса схема поиска посессора должна быть своей, а главное, разные классы будут отличаться по степени необходимости такого поиска и задачам, которые должен решать поиск. Локальный и экстрапонируемый посессор, конечно, могут выделяться синтаксическим анализатором и без такой разметки. Для определения посессивных связей, которые задаются предикатом, в моделях управления глаголов информация об этих связях должна прописываться специально. Имея эту информацию и синтаксический анализатор, можно решать задачу об установлении посессивных связей для сирконстантных позиций. Онтологический по-

сессор (наличие которого может влиять, в частности, на то, будет ли ИГ определенной), очевидно, не может быть установлен, если в системе нет собственно онтологии. Установление логических посессивных связей может оказаться под силу только тем системам, которые предполагают построение при анализе входного текста некоторого аналога картины мира. Дискурсивные же посессивные связи, по-видимому, всегда могут быть определены лишь с некоторой долей вероятности, причем для определения самых простых из них достаточно синтаксического анализатора.

В действительности во многих случаях задача установления посессивной связи наиболее актуальна для довольно простых объектов типа частей тела или номинализаций. Но даже ее можно с достаточно высокой степенью точности решить, только имея синтаксический анализатор и разметку лексем по классам.

Глава 5. Вторичные функции посессивных конструкций

Основной («первичной») функцией посессивных конструкций с локальным посессором является установление связи между двумя концептами на когнитивном уровне, чему на семантическом уровне соответствует заполнение одной из валентностей имени, указание на посессора или приписывание имени дополнительных характеристик с помощью некоторого другого имени. В следующем же примере:

(23) *Как мне в Черусти ехать, с Нечаевки поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят...* (Солженицын А.И. Матренин двор)

посессивная связь между ИГ *глаза* и *поезд* однозначно задается предикатом, так как семантика глагола *вылупить* такова, что субъект не может вылупить чьи-то чужие глаза.

Можно было бы предположить, что подобные употребления просто избыточны, ведь при всем стремлении говорящего к экономии усилий, дублирование информации — нормальное свойство естественного языка. Однако, контексты с дублированием информации о посессивности не произвольны, а могут быть распределены как по структурным характеристикам, так и по соответствующим им дискурсивным функциям. Кроме того, нестандартные функции показателей посессивности — редкое явление. Например, во многих уральских языках показатели посессивности всех трех лиц служат как для обозначения определенного референциального статуса ИГ, так и для организации референциальной целостности дискурса и для маркирования смены темы в предложении.

Наиболее удобными для исследования вторичных функций посессивных конструкций представляются контексты с «избыточным» употреблением посессивного возвратного местоимения *свой* (ПВМ). При отборе материала использовался следующий критерий: употребление ПВМ является избыточным, если (а) в данном контексте невозможна его замена на генитивное зависимое с другой референцией и с тем же семантическим отношением между ним и вершиной; (б) ПВМ не имеет дополнительных семантических компонентов, указанных в [Падучева1983]³⁶.

³⁶ Падучева Е. В. 1983. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности. // *Семиотика и информатика*. Вып. 21. С. 3-34.

Контексты избыточных употреблений ПВМ весьма разнообразны как с точки зрения возможных отношений между его референтом и обладаемым, так и с точки зрения синтаксической позиции обладаемого. Наиболее часто обладаемое оказывается связанным с референтом ПВМ *свой* отношением неотчуждаемой принадлежности (части тела, качества человека, продукты деятельности, параметры объекта). Что касается синтаксических позиций обладаемого, то из них можно выделить те, в которых посессивная связь обязательна независимо от семантики предиката (например, предложная группа с предлогом *в* в составе копредиката, вводимого предлогом *с*: *Он шел с палкой в руках*), и те, в которых обязательность посессивной связи зависит от семантики предиката (например, локативная предложная группа с предлогом *в*: X_i *держит* Y_j *в руках*_{Poss: i, *j}, но X_i *видит что-либо в руках*_{Poss: i, j} (y $Y_{a_{ij}}$)).

Несобственно-посессивные функции ПВМ выделяются в зависимости от:

- ✓ линейной позиции *свой* в высказывании по отношению к предикату;
- ✓ линейной позиции *свой* в высказывании по отношению к антецеденту;
- ✓ наличия в той же именной группе других модификаторов.

Реальный дискурс (как письменный, так и устный) упорядочен линейно. И если для говорящего мы еще можем предполагать, что по крайней мере иногда в начале высказывания он уже представляет себе всю предикацию целиком, то для слушающего «предсказуемость» дискурса как минимум на порядок ниже.

Когда ПВМ находится в препозиции к предикату (20% примеров корпуса объемом 276 употреблений), то использование *свой* нельзя считать избыточным, так как это линейно первый маркер кореферентности посессора подлежащему:

(24) *Дядюшка_i глаз **своих_i** не отвел, а гусиную ногу стал грызть более напряженно, как бы намекая: вот видишь — ем гуся, а думаю о бамбуке.* (Коваль Ю. Самая легкая лодка в мире)

Еще одна маркированная позиция именной группы, содержащей *свой*, — это позиция перед антецедентом ПВМ:

(25) [*Речь **свою_i***] *шкаф-Петрович_i* произносил с большим затруднением... (Коваль Ю. Самая легкая лодка в мире)

Такие примеры нарушают принцип референциальной компактности, сформулированной в [Paducheva 2004: 355]³⁷: «Референциально автономная именная группа (в частности, именная группа, референция которой известна говорящему) должна быть введена в денотативное пространство высказывания раньше, чем именные группы, которые референциально от нее зависят». Этот принцип предсказывает, что имена, обладающие сильной валентностью на посессора, вводятся только после того, как будет введен их посессор. Можно предположить, что в случае, когда этот принцип нарушается, *свой* как раз маркирует факт связанности имени, то есть «извиняет» говорящего за нарушение принципа, что позволяет говорить о ПВМ как о маркере референциальной связности дискурса.

³⁷ Paducheva, Elena V. 2004. Splitting of Possessive NPs and External Possessor in Russian. // Ji-Yung Kim, Yury A Lander, Barbara H. Partee (eds.) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, Mass., USA: GLSA Publications. Pp. 351-363.

Более чем в 60% примеров из сформированного корпуса избыточных употреблений ПВМ *свой* входит в именную группу, имеющую дополнительные модификаторы:

(26) Или, прищурив строгие серые глаза свои, босоногий, широкоплечий...

В подобных примерах у *свой* прослеживается значение «присущий, свойственный X-у, характерный для X-а». ПВМ — это маркер, который привлекает внимание слушающего к ИГ, частью которой является, заставляя слушающего рассматривать эту ИГ как характеристику субъекта, а не только как соответствующий ей актант предиката (или сирконстант). На семантическом уровне этот оператор можно описать как предикат обладания: ‘и у X-а (субъекта) Y (*строгие серые глаза*)’. Гипотеза о том, что у посессивного местоимения может быть разное значение в зависимости от наличия у вершинного имени дополнительных модификаторов, косвенно подтверждается тем, что в некоторых языках в двух этих случаях используются разные посессивные конструкции. Ср. примеры из языка кусаие:

кусаие (< микронезийский < океанийский < малайско-полинезийский < австронезийский)

[Fox 1981: 339]³⁸

(27) niyac-l Sepe kihneta
leg-him Sepe hurt
Sepe's leg is hurt. (Нога Сепе повреждена)

(28) niyac unacnac kac-l Sepe ah kihneta
leg hairy of-him Sepe the hurt
Sepe's hairy leg is hurt. (Волосатая нога Сепе повреждена)

На дискурсивном уровне *свой* создает дополнительный фокус внимания в рамках ремы высказывания.

Еще одно свойство ИГ с ПВМ, которое можно наблюдать на поверхности — его линейная позиция внутри ИГ. Реально встречаются все возможные варианты:

- (i) ПВМ – модификатор(ы) – имя
- (ii) ПВМ – имя – модификатор(ы)
- (iii) модификатор(ы) – имя – ПВМ
- (iv) модификатор(ы) – ПВМ – имя
- (v) имя – модификатор(ы) – ПВМ
- (vi) имя – ПВМ – модификатор(ы)

Из перечисленных позиций выделенными является те, где ПВМ разрывает ИГ (iv, vi) и где оно оказывается в конце (iii, v). В тех случаях, когда ПВМ стоит после модификатора, фокус внимания относится именно к этому модификатору. Возможность же постановки ПВМ в конце ИГ объясняется именно наличием у *свой* дискурсивной функции. Для дискурсивного маркера позиция после составляющей, к которой он относится, естественна. Последний же из перечисленных порядков слов является крайне редким, что можно объяснить отсутствием необходимости дискурсивно выделять имя независимо от его модификаторов.

³⁸ Fox, Barbara. 1981. Body part Syntax: Towards a universal characterization. // *Studies in Language*. Vol. 5. Pp. 323-342.

Заключение

Подход к посессивным конструкциям, представленный в данной работе, базируется на предположении, что в основе посессивности лежит «когнитивная сопряженность концептов, являющаяся одним из важнейших свойств организации когнитивной структуры» [Кибрик 2008]. Такой подход позволяет рассматривать разнообразные языковые конструкции (в которых как эксплицитно, так и имплицитно выражается посессивное отношение) в одном ряду, так как все они являются способами отражения в языке когнитивной сопряженности концептов. Причем интерес представляют как альтернативные возможности выражения посессивных отношений на уровне предикации, так и те явления, которые лежат в основе способности слушающего устанавливать посессивные связи в тексте.

Основными непредикативными способами отражения посессивной связи на уровне предикации являются конструкции с локальным посессором и с внешним посессором: с экстрапозицией посессора (ЭП) или с экстрапозицией обладаемого (ЭО). Анализ факторов, определяющих выбор одной из этих трех посессивных конструкций, их семантики и сферы употребления показал, что конструкции с ЭП и ЭО являются настолько различными по своей сути, что существует лишь небольшой класс ситуаций, которые допускают обе эти конструкции.

Конструкции с экстрапозицией посессора характеризуются наличием в предложении участника со значением, которое предопределяет его когнитивную связанность с другими участниками ситуации, что имплицитно подразумевает возможность существования между ними посессивной связи. Этот участник может быть как актантом предиката с определенной семантической ролью ($\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$), так и экстратематическим аргументом ($\text{ИГ}_{\text{Дат}}$ и $y + \text{ИГ}_{\text{Род}}$), который обычно и считается внешним посессором. Строго говоря, $\kappa + \text{ИГ}_{\text{Дат}}$ не является конструкцией с внешним посессором, так как эта предложная группа, как было показано в работе, либо имеет семантическую роль, либо выступает как локальный посессор. Однако, она часто упоминается наряду с другими конструкциями с внешним посессором и имеет ряд параллелей с конструкцией ' $y + \text{ИГ}_{\text{Род}}$ '. Так, для обеих этих предложных групп выявлена тенденция к их грамматикализации в конструкции с локальным посессором, в которых они теряют свое основное значение и обозначают только посессора. Этот процесс охватывает следующие посессивные отношения: 'часть тела' > 'принадлежность' (> 'место'), что соответствует типологической иерархии посессивных отношений за исключением предсказуемого отсутствия в ней отношения 'часть-целое'.

Для конструкций с экстрапозицией обладаемого было выделено три подтипа. Первый класс составляют контексты, в которых часть посессора оказывается в некотором отношении затронута ситуацией, обозначаемой предикатом. Второй класс составляют контексты, в которых вводится участник, связанный с одним из главных актантов предиката отношением параметра, продукта или субъектным отношением. Этот участник является важным для осуществления ситуации, обозначаемой предикатом. В контекстах третьего типа обладаемое и посессор связаны отношением формы или количества. Этот тип отличается от предыдущих двух тем, что в си-

туацию вводится не новый участник, а обстоятельство, характеризующее способ протекания ситуации.

В конструкциях с внешним посессором посессор имеет собственное (непосессивное) значение, но оказывается, что и в базовой посессивной конструкции русского языка (в генитивной группе) посессор может иметь дополнительную функцию локализации фокуса внимания.

Тремя основными конструкциями не исчерпываются способы выражения посессора в тексте. В Главе 4 рассмотрены предикатные, онтологические, логические и дискурсивные связи и предложена модель установления посессивных связей, основанная на иерархии потенциальных посессоров. На основе этой модели разработан алгоритм выбора посессора для имен, обозначающих части тела, важным компонентом которого оказывается синтаксическая позиция имени-обладаемого.

Публикации

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования. // *Вопросы языкознания*. М.: Наука, 2006. № 1. С. 16-45.
2. Брыкина М. М. Лативно-посессивный актант в конструкциях типа «к маме на работу». // *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Материалы (Санкт-Петербург, 01 – 03 ноября 2007 г.). СПб: «Нестор - История», 2007. С. 34-38.
3. Брыкина М. М. Идентификация посессивных связей для имен, обозначающих части тела, в русском языке. // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007»* (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 95-101.
4. Брыкина М. М. Типы конструкций с внешним посессором в русском языке. // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005»* (Звенигород, 1-6 июня, 2005 г.). М.: Наука, 2005. С. 77-83.
5. Брыкина М. М., Судобина А. Н. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков). // *Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии*. Ереван, 21-28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: Издательство РГГУ, 2005. С. 98-101.
6. Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Хитров А. Н. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором. // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004 г.)*. М.: Наука, 2004. С. 265–275.
7. Kibrik A. E., Brykina M. M., Leontiev A. P., Leontieva A. L. A single phenomenon-oriented corpus: benefits and problems. // *Second International Conference "Grammar and Corpora". Abstracts*. Liblice, 2007. Pp. 43-45.